

Наталия Ломовская

Сюрприз для Александрины

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=659715
Сюрприз для Александрины: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-51275-1

Аннотация

Строгие платья классического фасона, чуть тронутые блеском сжатые губы, тщательно выверенные скупые движения... Такова Александрина, дочь всемогущего Аптекаря, наследница огромной корпорации и миллионного состояния. Ее словно заключили в прозрачный флакон, точь-в-точь такой, в каком продают пилюли в сетях аптек, принадлежащих ее отцу. Но однажды девушка вырвется на свободу, потому что ей отчаянно не хватает глотка свежего воздуха...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Наталия Ломовская

Сюрприз для Александрины

Глава 1

Белый рукав моей парадной блузки стремительно намокал, наливаясь рдяной краснотой. Я отвела кружевную манжету с ладони, и кровь – кап-кап, закапала на белый ковер. Издалека доносился дребезжащий голос Аптекаря – он любил, одеваясь, напевать какую-нибудь арию. Воображал, видимо, себя знатоком классической оперы. Как же!

– Александрин, вы готовы? – игриво спросил он.

– Да уж, – пробормотала я. Но не услышала своего голоса. В ушах нестерпимо шумел морской прибой. Свет и тьма стремительно менялись местами. Мир струился, как песок меж пальцев, и ускользал от меня. Я собралась с силами и сказала погромче:

– У меня тут маленькая авария. Я разбила стеклянный стакан.

– Что такое?

Аптекарь быстро вышел из своей ванной и увидел меня. Заметил крупные капли крови на полу. На секунду на моложавом лице отразилась досада – осознание, что сегодня мы никуда не пойдем. Что давно запланированное посещение премьеры и парадный ужин в ресторане отменяются. В эту минуту Аптекарь был даже похож на нормального человека. Но уже через мгновение он снова стал Аптекарем – тем, кто всегда знает, как следует поступить.

– Александрина, что с твоей рукой? Как... Ирина Давыдовна! Аптечку сюда быстро!

...Грохочущий шум прибоя в ушах. Печет затылок жаркое солнце. Mamochka, можно мне теперь купаться? Подожди, моя хорошая, погрейся еще немножко на солнышке, поищи красивые камешки. Округлый камешек с дырочкой – куриный бог, найти его, говорят, к счастью. Я нахожу целых два, гладкие, облизанные морем голыши-малыши. Задышавшись от радости, бегу к маме. Солнце слепит глаза, я с разбегу влетаю в бушующее море. Повсюду соленая вода, она накрывает меня с головой. Я рвусь на берег, но волна, нахлынув, снова сбивает с ног и тащит за собой. Я кричу, я задышаюсь...

– Тихо, тихо, детка...

Ночь. Слабо горит светильник в изголовье кровати.

– Хочешь пить?

У меня во рту все еще держится горько-соленый привкус морской воды.

– Да.

Ирина подает мне фарфоровую чашку. Чашка тяжелая, Ирина поддерживает ее снизу. Я жадно пью теплую воду со слабым лекарственным привкусом. В нем ощущается близкое присутствие Аптекаря.

– Только что заходил на минутку, – говорит Ирина в ответ на мой невысказанный вопрос.

«На минутку». Разумеется, он слишком занят для того, чтобы посидеть рядом с приболевшей дочерью. Ну ничего, со мной Ирина. Ирина – верный друг.

Моя правая ладонь туго забинтована. Она похожа на толстенького запеленутого младенца. И так же противно ноет.

– Что тебе снилось? Ты смеялась во сне. Или плакала? Я не поняла.

– Мне снилось море, – сказала я, садясь на постели. – Ты не знаешь, мы ездили на море? Когда была жива мама?

Ирина с нами очень давно – мне кажется, она была всегда.

– Не знаю. Возможно. Хочешь поехать на море? Я скажу отцу завтра же.

– Не надо.

Я знаю, чем кончится этот разговор. Аптекарь, разумеется, отправит меня на море. И заодно припомнит, что сам давненько не отдыхал. Мы поедем вместе, будем жить в самом дорогом отеле, в люксе с двумя спальнями, лежать на пляже с восьми утра до половины одиннадцатого, ходить ужинать в правильные рестораны, ездить на скучнейшие экскурсии и покупать сувениры, которые мне некому дарить.

И от близости моря, от его свободной стихии мне станет только хуже.

– Не очень. Может быть, потом. Сейчас я, пожалуй, немного посплю.

– Спи, девочка. Отдыхай...

Наутро из-за туч выглянуло солнце. Это был новый день. И сейчас уже невозможно поверить в то, что именно пугающая перспектива этого нового дня заставила меня вчера вечером так стиснуть в руке тонкий стакан, что он разбился и осколки распорили мне ладонь глубоко, почти до кости. Наш домашний доктор Павкин наложил мне семь швов. Павкин был суровый старик, пахнувший простым одеколоном. Он спросил, как произошло несчастье.

– Случайно. Я взяла стакан воды, чтобы полить цветы. Запнулась о загнутый край ковра, и тонкое стекло лопнуло.

По лицу Павкина я видела, что моя наивная ложь не возымела эффекта.

– Ага, ага. А с чего вам, прекрасная барышня, вздумалось поливать цветочки, когда вы уже были вполне парадно одеты для похода в оперу?

– Припомнила, что давно этого не делала, – ответила я.

И преувеличила. Я никогда в жизни не занималась цветами. Несколько растений, озе-ленявших мою девическую спальню, всегда поливала Ирина Давыдовна.

– Положим, положим, – пробормотал Павкин.

Я видела, что он мне не поверил.

– Александрина, я умею хранить секреты. Иначе я бы не работал на вашего отца. И вы можете быть со мной откровенны. Вам нужна помощь? Психологическая?

Я покачала головой.

Чем бы мне помог проницательный старик Павкин? Что он мог для меня сделать? Назначить визит к психологу? Выписать успокоительные таблетки, произведенные концерном, принадлежащим моему отцу? Прописать морские купания – в обществе, разумеется, моего отца? Вот вроде бы и все варианты.

Все же у меня небогатое воображение. У Павкина родилась блестящая идея, которой я не могла даже предположить. Но об этом я узнаю позже.

Наутро раненая рука болела, но не очень сильно.

Не душераздирающе.

Я приняла душ, оделась и спустилась к завтраку.

Мы с Ириной любили завтракать в кухне.

Аптекарь признавал только столовую. Он восседал за огромным столом, накрытым кумачовой бархатной скатертью. В старых кинофильмах за такими столами заседал Совет народных комиссаров. Когда я проходила мимо, то увидела крошки на скатерти – Ирина Давыдовна еще не успела смести их специальной серебряной щеткой. По утрам Аптекарь любил поесть плотно – не меньше двух кусочков хлеба, подсушенных, но не подгоревших, овсяная каша, яйца, сок.

– Подкрепись как следует, и вперед – к великим делам! – говаривал Аптекарь.

Как-то он решил приучать меня к ведению домашнего хозяйства. Приказал даже – разумеется, это звучало, как просьба, но, по сути было, конечно, приказом, – чтобы я готовила ему завтрак. Я преуспела. Через пару дней могла вполне сносно поджарить яичницу-глазунью и приготовила к обеду целую сковороду огромных черных котлет. Аптекарь умилился,

и я, воспользовавшись этим, прекратила свои кулинарные экзерсисы. Очень вовремя – овсяная каша в моем исполнении жуткая гадость!

Ирина Давыдовна пила кофе на своем любимом месте у окна. Она так часто сидела, глядя на дорогу. Как будто ждала кого-то. Или, быть может, наоборот – мечтала уйти из этого дома?

– Я сама налью, – предупредила я ее, чтобы она не вставала.

Черный кофе и апельсин. С меня хватит. Меня-то не ждут великие дела.

– Как спала?

– Хорошо, спасибо.

Мы молчали и пили кофе. Солнце яростно било в окна.

– Поедешь на работу?

Я кивнула. Думала, что Ирина будет меня удерживать дома. Но она сказала:

– Если чувствуешь себя хорошо, конечно, поезжай. Развеешься, пообщаешься с коллегами.

– Развеешься! Можно подумать, у меня там много развлечений! – усмехнулась я.

– Вдруг именно сегодня случится что-нибудь хорошее? – предположила Ирина.

Она все же неисправимая оптимистка. Чему там случатся? Да и коллеги меня не очень-то и любили.

– Дочка самого, – вился язвительный шепоток у меня за спиной, когда я шла по коридору.

Можно подумать, я занимала бог весть какую большую должность! Сделала невероятную карьеру! Перекладывала ненужные бумажки в отделе кадров, вот и все.

Собственно, ни на что больше я и не могла претендовать, окончив факультет документоведения.

По правде говоря, скучнейший факультет. Мне всегда казалось, что на свете есть занятия поинтереснее. Но меня никто не спрашивал, что мне там кажется. А мне не хватило силы воли, чтобы выбрать себе профессию по желанию.

Но ведь такое образование и такую профессию выбирают себе люди и по доброй воле?

Например, моя сотрудница Света.

У меня, вообще-то, много коллег. В корпорации Аптекаря трудится чертова куча народа. Но со мной в кабинете сидит одна только Светочка, и общаюсь я почти с ней одной.

У Светочки невинная круглая мордашка, голубые глаза-пуговицы и светлые кудряшки. Глядя на нее, можно предположить, что она невинна как дитя и кротка как ангел. Не удивлюсь, если Аптекарь устроил кастинг – кто из кадровичек достоин занимать место рядом с его дочерью. Если это и так, то он крупно промахнулся. Светочкино внутреннее дитя давно пошло вразнос, выгнало за порог кроткого ангела, а на его место пригласило дюжину бойких разномастных чертей. Черти не дают Светочке покоя, дергая ее, как марионетку, за ниточки. Девушку обуревают дерзкие желания и безумные амбиции, которые никак не могут реализоваться в отделе кадров.

Кузьмич привез меня пораньше, а Светочка, как всегда, была минута в минуту. В корпорации за опоздания серьезно взыскивали. Сначала в наш тесный кабинет влетело облако ее невыносимо сладких духов, потом показалась она сама, в развевающемся бледно-сиреновом пальто, не очень-то подходящем для грязной московской весны, и в темных очках-авиаторах. Все ясно, вчера прошла гулянка, и это в будний-то день. С утра Светочка не успела навести на лицо «ботэ» и теперь целый день будет во вздорном настроении – с похмелья ее черти становились ужасно беспокойными. Сейчас она скажет: «Фу, ну и надралась же я вчера!»

– Привет, Александрина! Ф-фу, ну и погуляли же мы вчера! А ты как отметила женский день Восьмое марта? Вижу, вижу, без членовредительства не обошлось. Что с рукой-то?

– Мы собирались в оперу, а я решила полить цветы, и вот...

– В оперу? Полить цветы? – радостно осклабилась Светочка, как будто я удачно пошутила. – Ну, даешь, Александрина! А мы завалились в «Китайского летчика», выпили там текилы, поехали в «Аквариум», поплясали. Хотели податься к «Лакшми», но денежки тютю...

И Светочка печально присвистнула.

– Эх, Александрин, мне бы твои возможности! – Любимый конек моей сослуживицы был оседлан и тронулся в путь, помахивая кудрявой гривой. – Да разве бы я стала торчать в этой шараге?

Перекосившись, Светочка осматривала убогую обстановку – два стола, два компьютера, три стула и несгораемый шкаф. На подоконнике – принесенное мною из дома дерево бансай и Светочкино зеркало. Стену украшает репродукция «Незнакомки» Крамского. Аптекарь как-то решил привить своим служащим чувство прекрасного – в его планах было корпоративное посещение Третьяковской галереи, поездка в Эрмитаж и вручение абонементов в оперу вместо квартальных премий.

Но, к счастью, все ограничилось плохими репродукциями.

– И что бы ты сделала? – спросила я.

Вовсе не потому, что мне было интересно. Просто не поддержать разговор казалось невежливым.

– О-о, я-то бы нашла, чем себя занять! Путешествовала бы по свету. Знакомилась со звездами Голливуда. Торчала в СПА неделями. Следила за собой – от пяток до кончиков волос. Тусовалась в самых элитных клубах. Знаешь, твой папаша, наверное, просто-напросто жмот. При таких деньгах заставлять единственную дочь работать!

– Не исключено.

– И вообще, – раздражилась вдруг Светочка. Наверное, какой-то особенно прыткий бес ткнул ее кулачком под ребра. – Вам с папочкой никогда не приходило в головы, что ты занимаешь чужое место? Что здесь могла бы работать не наследница огромной корпорации и миллионного состояния, а девушка, которой действительно нужны деньги? Для которой эта зарплата – не мелочовка какая-то на карманные расходы, а единственный источник существования? Чтобы она могла оплачивать коммунальные услуги, покупать еду и кое-как одеваться?

Потрясенная судьбой неизвестной мне девушки, которая нашими с Аптекарем страданиями осталась голодной, голой и с долгами по квартире, я молчала и смотрела, как Светочка откупоривает бутылку минеральной воды и жадно пьет прямо из горлышка.

Утолив жажду, она немного смягчилась.

– Так-с, начнем исправлять разрушения, нанесенные бурной ночью, – объявила Светочка, достала громадную косметичку и высыпала на стол целую гору разноцветных тубиков.

Теперь можно передохнуть и поработать. Часа полтора Светочка будет трудиться над собственной физиономией, забыв обо мне.

Напоследок помахивая розовой кисточкой под глазами, она сказала:

– Кстати, как тебе мое пальто? Шикарно?

– Новое? – уточнила я.

– Позавчера была зарплата. Значит, новое. Сама могла бы догадаться.

Такие разговоры происходили периодически – участь дочери миллионера не давала Светочке покоя. Надо отдать ей должное, она с большим юмором сравнивала себя с людоедкой Эллочкой, персонажем бессмертного романа «Двенадцать стульев», а меня – с молодой Вандербильдихой, за которой та самая Эллочка гналась.

– Впрочем, – добавляла Светочка, – в смысле туалетов за тобой вряд ли кто угонится.

Это была ирония, доступная даже мне. Что и говорить, одевалась я довольно-таки уныло, хоть и дорого.

– Почему бы тебе не купить такое же пальто? Ты выглядишь, как ворона. Ей-богу, на твою черную тряпку страшно смотреть.

– Эта черная тряпка от Шанель, между прочим!

– Что ж, у мадемуазель Шанель были свои провалы, – ловко парировала Светочка и нанесла на губы еще один слой кукольно-розового блеска. – Я бы такое и задаром не взяла. Никак не могу понять, по какому принципу ты выбираешь одежду? Чтобы мухи на лету дошли от скуки? Наш девиз – ни одного яркого пятна? Только черное, белое или тускло-бежевое?

Я терпела ее выпады – все же сослуживица была для меня единственным окном в мир. Если не считать телевизора.

– Нет, ну почему же. Вот эта блузка, что на мне – она зеленая, – примирительно заметила я.

– Зеленая? – Светочка даже захрюкала от смеха. – Смотри-ка, вот мой шарфик. Вот он – зеленый!

От цвета Светочкиного шарфика мне пришлось даже зажмуриться. Она поскромничала, он был не просто зеленым, а бешено-изумрудного оттенка. Такой цвет имеют импортные яблоки сорта «грэнни смит», красивые, но совершенно лишённые даже намека на вкус. В смысле вкуса Светочкин шарфик тоже был им, конечно, ровня.

– А твоя блузка – не зеленая. Она похожа на шкурку жабы, умершей от старости и пролежавшей пару недель в болоте. У тебя ведь куча бабок, неужели не можешь купить себе что-то приличное?

В голосе моей сослуживицы слышалось настоящее негодование – нецелевое использование миллионов Аптекаря доводило ее почти до истерики.

– Даже если не трогать папочкиных капиталов, ты на одну зарплату могла бы нехило приборахлиться. Ведь ты на всем готовеньком живешь, все у тебя бесплатное, и стол, и дом. Заработанное можешь тратить на себя. И ты-то, поди, побольше моего получаешь... Ах, прошу прощения, ваша светлость, я забылась. В приличном обществе ведь не принято обсуждать доходы, – иронически извинилась Света.

Но я молчала не потому, что разговор показался мне неприличным. А потому, что не знала, какая у меня зарплата.

В бухгалтерии мне должны были выдать банковскую карточку.

Два раза в месяц на нее, очевидно, перечислялась некая сумма. Но юноша с физиономией карьериста сказал мне, интимно понизив голос:

– Сегодня заходил Андрей Иванович, самолично взяли вашу карточку.

В голосе юного карьериста дрожала и вибрировала преданность. Чувствовалось, что он потрясен родительским попечением Аптекаря. К нескрываемому удивлению говорившего, я не торопилась разделить его восхищение.

Я догадывалась, что карточки мне не держать в своих руках.

Надо ли говорить, что так оно и вышло?

– Тебе нужны деньги, Александрина? На что же, на какие нужды? – спросил Аптекарь, когда я поинтересовалась судьбой карточки.

Я ничего не сказала. И в самом деле, на что мне могут понадобиться деньги?

У меня же и стол, и дом.

Карточка осталась у Аптекаря. В конце концов, это именно он содержал меня. Платил за мое обучение, за дом, за еду и одежду. Значит, он имел право.

Тем более что именно он начислял мне эту зарплату. Таким образом, деньги оставались в семье. Нельзя не признать этот вариант удачным.

К полудню мучительное похмелье Светочки почти прошло. Она проглотила аспирин и витамины, выпила не меньше двух бутылок минеральной воды и наконец занялась работой – впрочем, не забывая посматривать на часы. Близился обеденный перерыв.

Это время все обожали.

Кроме меня, разумеется.

Я так и не привыкла к удивленным взглядам, которые провожали меня, когда в кафетерии я брала какой-нибудь салат и гамбургер или пирожное. Очевидно, все служащие корпорации полагали, что я должна питаться исключительно нектаром тропических цветов.

Или чем-то в том же духе.

А мне страшно нравились салаты из кафетерия. Аптекарь помешался на правильном питании. У нас дома майонез находился под строжайшим запретом. А уж о жирных масляных пирожных и не мечтай! Мне же и салаты, и пирожные нравились. Гораздо больше, чем устрицы и какие-то резиновые морские гады, которых Аптекарь жевал с таким неподдельным энтузиазмом.

У меня же от них мурашки бежали на спине.

Обычный гамбургер казался мне безопасным и милым.

После обеда служебное время пошло быстрее. Правда, я выдержала еще один натиск Светочки. Она во что бы то ни стало хотела меня подкрасить своей косметикой.

– Ты такая хорошенькая, – убеждала она меня. – Я же не предлагаю тебе полный мейк. Так, слегка, макияж в стиле нюд! Только выровняем тон кожи, поддурмьяним щечки, подведем глаза, наложим на ресницы тушь, обозначим карандашиком контур губ, подкрасим бежевой помадой, добавим блеска.

– Ничего себе нюд!

– Ладно, губы красить не станем! Только капелька нейтрального блеска. Вот видишь, я готова к компромиссу. Позволь мне, пожалуйста!

– В другой раз, – твердо сказала я.

У меня было стойкое ощущение, что ни макияж в стиле нюд, ни, боже упаси, полный мейк Аптекарю не понравятся. Когда-то на первом курсе я купила себе косметику и стала краситься – тайком. Это было глупо. Вскоре я попала на глаза Ирине, и она образумила меня.

– Немедленно умойся! Отец видел тебя? Видел? Он сочтет, что ты похожа на девушку легкого поведения.

Мне вполне хватило болезненной гримасы, перекосившей ее лицо. Я срочно смыла краску и больше не прикасалась к косметике. Баночки и тюбики остались лежать в туалетном столике. Со временем румяна и тени потрескались, помада и тушь засохли. И только пудра в красивой коробочке все так же приятно пахла и была нежно-розовой, как пух фламинго. Я пудрилась и мазала губы гигиенической помадой, вот и весь мой ритуал красоты.

– Завтра? – переспрашивала неугомонная Светочка.

– Ладно, завтра...

– А когда мы с тобой пойдем по магазинам?

Светочка иногда предлагала мне совместный шоппинг.

Представляю себе, что за мысли клубились в ее кудрявой головенке.

Света так и видела, как мы вместе шлемся по московским нестерпимо пафосным и дорогим бутикам, как она дает мне рекомендации и советы и я под ее мудрым руководством совершенно преображаюсь. Мы покупаем для меня красное открытое платье, леопардовое пальто и лакированные ботильоны на огромных каблуках. Я становлюсь модной, гламурной, раскрепощенной. Вне себя от радости после этого чудесного преображения я заключаю Светочку в объятия, рыдаю от счастья и назначаю ее своей лучшей подругой. Мы начинаем развлекаться, вместе едем куда-нибудь в Ниццу, в один день выходим замуж за баснослов-

ных красавцев – ее может быть голливудской звездой, которых она так обожает. Мой, так и быть...

А, да какая разница!

Примерно так воображала себе сотрудница Светочка, но я вовсе не стремилась осуществлять ее честолюбивые мечты.

И уж тем более мне не хотелось носить леопардовое пальто и красное платье.

И можно предположить, что и на самых высоких каблуках я не ушагаю далеко от Аптекаря...

Так зачем пытаться?

Кстати, еще неизвестно, как бы он отнесся к смене моего имиджа.

Ведь одежду – ту самую, черно-бело-бежевую – выбирал мне он.

Это происходило так.

Примерно три-четыре раза в год он приглашал меня за покупками.

Мы заходили в одни и те же магазины и проделывали один и тот же ритуал – я примеряла платья, выходила из примерочной и показывалась Аптекарю.

Тот одобрял или отвергал.

У Аптекаря был консервативный вкус.

Ему нравились консервативные черные костюмы и белые блузки. Маленькие черные платья. Туфли-лодочки из натуральной кожи. Дорогие сумки. Выходное платье – желательно кружевное, свободных форм. Из украшений он одобрял только жемчуг. Бриллианты, доставшиеся мне по наследству от матери, прозябали в шкатулке из красного дерева. Я никогда их не надевала.

Мои сверстницы носили потертые джинсы, майки с забавными принтами, штаны-афгани, балетки и яркую бижутерию.

Я же в своей одежде чувствовала себя пятидесятилетней матроной. Однажды Аптекарь привез мне брошку с женским профилем, массивную, тяжелую.

Я поблагодарила, но подарок носить не стала.

– Какой-то кошмар, – пожаловалась Ирине Давыдовне. – Мне же не сто лет, чтобы прикалывать такие брошки.

– Покажи-ка, – попросила Ирина. – Ах, какая красота!

– Что же тут красивого?

– Ах, глупышка! Это называется – камей. И она, видимо, очень старая. Видишь, облик женщины вырезан в камне...

Ирина пустилась в какие-то объяснения, но я только рукой махнула. Если бы на то была моя воля, я бы подарила эту брошку Ирине. Но Аптекарь при первой же оказии спросил, почему я не надену камей. Он подчеркнул, что она очень, очень важна для него.

И я заколола ею шарф, когда мы пошли куда-то вместе – кажется, на премьеру в театр.

Все на нас глазели.

Мы – те, кому завидуют.

Как мало тут поводов для зависти, кто бы знал!

Лично я – завидую Светочке.

Она свободная и легкомысленная девчонка. У нее были романы и увлечения. Она шикарно курит тонкие сигареты и ходит по клубам. А я в ночном клубе никогда не была. Хотя Светочка зовет каждую пятницу.

Может, поехать сегодня?

По идее, это можно устроить.

Просто уйти со службы раньше, чем за мной приедет Кузьмич.

Аптекарю отправить сообщение на мобильный телефон.

Например, такое: «Ушла веселиться в ночной клуб».

Что будет, интересно?

Да ничего. Но у меня нет денег, я не одета для пафосного клуба. У меня унылая прическа, волосы, не знавшие краски и утюжка, они гладко зачесаны от лица и туго заплетены во французскую косу. Косу мне каждое утро сооружает Ирина. Аптекарь обожает такую прическу. А я выгляжу с ней как школьница, ученица седьмого класса.

Но, даже если бы мне и пришлось в голову совершить такой невероятный «финт ушами», как говорили в школе, у меня бы все равно ничего не вышло. Примерно в половине шестого, когда Светочка, исполненная предвкушений, лихорадочно подмазывала губы, по коридору пронесся шорох, и Аптекарь собственной персоной заглянул в наш убогий кабинет.

– Здравствуй, девочки. Александрина, ты готова? Я за тобой.

– Здра-авствуйте, Александр Анатольевич, – залебезила Светочка. – А до конца рабочего дня еще целых сорок минут...

– Отрадно видеть такое рвение в служащих, – отрубил Аптекарь. – Александрина!

Разумеется, я схватила сумочку и вышла в коридор. Аптекарь пропустил меня вперед себя. Я шла, а он топал за мной, как телохранитель. В коридоре приоткрывались двери, из щелей на нас смотрели любопытствующие. Отец и дочь Вороновы шествуют!

– Как прошел день? Напрасно ты вышла сегодня на службу. Знаешь, ты очень бледная.

– Ничего.

– Хочешь где-нибудь перекусить?

– Нет, спасибо. Лучше домой. Я и в самом деле не очень хорошо себя чувствую.

Больше мы не разговаривали. Молчание не доставляло мне неудобств. Наверное, Аптекарю тоже. Во всяком случае, я ничего не могла понять по его непроницаемому профилю.

И вот нам – завидуют?

Ох, зря.

Мы живем грустно. Холодно мы живем.

Но почему? Чего нам недостает для счастья?

С Аптекарем на эту тему заговорить я не решалась. Как вы уже поняли, мы вообще немного разговаривали. Аптекарь всегда был занят. Часто возвращался домой за полночь. Иногда вообще не приезжал ночевать, если задерживался надолго. Кажется, он снимал номер в каком-то отеле.

Если отец и оставался в какой редкий день дома, то к нему тоже было не подступиться. Аптекарь сидел в своем кабинете, пролистывая какие-то старые бумаги. Иногда спускался вниз, в каминную. Смотрел свой любимый сериал – «Бандитский Петербург». Тогда к нему можно было присоединиться. Он трепал меня по плечу, гладил по голове, угощал мармеладом из круглой коробки – он обожал мармелад «лимонные дольки». Не знаю никого, кто бы еще любил этот мармелад. Впрочем, у меня вообще немного знакомых.

А друзей у меня совсем нет.

Но разговаривать Аптекарь отказывался, крутил головой, показывал на экран, где один гладко зализанный хлыщ, блондин, явно собирался побить другого гладко зализанного хлыща, брюнета.

– Смотри, тут все правда! – говорил он.

Особенно его забавлял один из героев, которого звали Антибиотик.

– Ну, крутой парень! Ну, и крутой же!

– Это всего лишь Антибиотик, а ты у меня – настоящий Аптекарь, – сказала я ему как-то.

Аптекарю это страшно польстило, он с удовольствием посмеялся и даже повторял мои слова в кругу друзей. Не удивлюсь, если это прозвище укрепилось за ним. Во всяком случае, мне он позволял именовать себя Аптекарем даже в глаза.

Примерно раз в месяц мы выходили в свет.

Четыре раза в год я посещала могилу матери и сестры.

Одну могилу – они похоронены вместе.

Оттого мы, должно быть, и жили невесело.

Моя мать и сестра погибли в автокатастрофе.

Страшной катастрофе, в которой уцелела я одна.

Мне тогда было пять лет.

Странно ведь, я должна хорошо помнить маму. Дети в пять лет уже многое помнят.

Но я – я не помнила. Хотя иногда она являлась мне в ярких, счастливых снах.

Но чаще сон был один, гнетущий, мучительный.

В этом сне меня увозили из дома – в то время, когда мне уже полагалось ложиться в кроватку. Мне хотелось спать, было холодно, я капризничала и ныла, мама кричала на меня, у нее было искаженное злое лицо. А хуже всего оказывалось то, что мы не взяли с собой барашка, моего любимого плюшевого барашка с розовым кожаным носом, который я непременно целовала на ночь! Я не могла ехать без него, он был нужен мне больше всего на свете, я била ногами по водительскому креслу и визжала изо всех сил.

Я просыпалась в слезах и долго не могла успокоиться.

Аптекарь привез меня домой. По дороге мне то и дело казалось, что он хочет о чем-то со мной заговорить, но не решается. Я заметила это потому, что такое поведение было ему несвойственно. Все вопросы Аптекарь решал мгновенно, четко, без всяких сантиментов.

Что у него было на уме, я узнала на следующий день, когда во время обеденного перерыва в кафетерии я встретила Глебушку. Того самого смазливового мальчика-карьериста из бухгалтерии, который некогда подло отдал Аптекарю мою зарплатную карточку.

– Он давно на тебя таращится, – доверительно сказала Светочка, проследив направление моего взгляда. – По нему тут все девчонки с ума посходили. А он – ну ни на кого! И даже на меня не смотрит. Я уж думала – пф, голубок! Оказывается, Глебушка наш рыбку покрупнее ловит, и не простую – золотую!

Я почувствовала, что жаркая волна заливает мое лицо.

– У тебя даже шея покраснела, – с удовольствием констатировала Светочка. – Он тебе нравится?

– Вот еще!

– Какой же ты еще ребенок, – вздохнула сослуживица.

Может быть, я и являлась, по Светочкиным меркам, сущим ребенком. Но у меня уже накопился кое-какой опыт. И я знала некоторые вещи. Например, что никто не станет ухаживать за мной без высочайшего разрешения Аптекаря. И каковы шансы, что тот, кто получит высочайшее разрешение, понравится мне?

На самом деле шансы есть, и их не так уж мало. Потому что некоторые виды животных в неволе все-таки вполне себе размножаются.

Такие дела.

Глебушка и в самом деле мне нравился, хотя я никак не могла заблуждаться на его счет. Невооруженным глазом было видно, что он карьерист и боится Аптекаря до смерти.

Собственно, я не знала человека, который был бы достаточно храбр или достаточно безумен, чтобы его не бояться.

Разве что Ирина...

О ней разговор особый.

Мне всегда казалось, что мой отец и наша домоправительница связаны куда крепче, чем они это демонстрируют.

Я точно знала, что между ними не было любовной связи – если все происходит в соседней комнате, о таких вещах догадываются даже самые неискушенные барышни.

Нет, романа тут не было. Но что? Привязанность? Зависимость? Какие-то давние и мучительные отношения?

Можно было даже и не делать попытки разобраться.

В нашем доме умеют хранить тайны.

Так я о Глебушке. У него глаза янтарные, как темный, жгуче-сладкий мед, и русые кудри падают на гладкий лоб. У него ямочки на щеках, у него широкие плечи.

Едва взглянув на него, я думаю, что буду, пожалуй, не против, если он решит... если он захочет...

В общем, буду не против.

И он, словно услышав мой внутренний зов, идет ко мне через весь кафетерий. Со всех сторон на него смотрят девичьи глаза. Несутся вздохи.

Ах, Глебушка – покоритель сердец!

Он останавливается у нашего столика, и Светочка немедленно фыркает в свою чашку с зеленым чаем. Моя напарница всегда пьет зеленый чай без сахара, это кажется ей утонченным. Я же свою бадейку зеленого чая, полезного и богатого антиоксидантами, всегда имею возможность получить дома, поэтому на работе пью кофе – очень крепкий, с большим количеством сахара и шапкой взбитых сливок.

Итак, Светочка фыркает в свое жасминовое пойло, а я поднимаю на Глебушку глаза. Я ожидала, что он будет мямлить и тянуть, но Глебушка включает обаяние уверенно и решительно, как нажимает на спусковой крючок. Пороховой заряд воспламенен, вспыхивают ослепительные ямочки на щеках, теплым светом наливаются янтарные глаза, пуля врежется в нарезы ствола.

Пиф-паф. Падай, детка, ты убита.

Право, я не прочь пасть на этом поле брани.

Навзничь.

Черт, я опять краснею.

– Александрина, вы сегодня прелестны. Как вам к лицу зеленое! Вы в этой кофточке словно русалка. В честь этого прекрасного обстоятельства приглашаю вас поужинать сегодня со мной. У меня заказан столик в «Акватике».

– Сегодня четверг, рыбный день, – улыбаюсь я в ответ. – Если вы гарантируете, что в «Акватике» русалку не примут за щуку и не навертят из нее котлет...

Глебушка отвечает мне поклон – полусерьезный, полукомический.

– Я сумею о вас позаботиться, позвольте уверить.

– Тогда я согласна.

Надо же, подумала я, немного придя в себя. А Ирина-то была права. И на службе может произойти что-то хорошее.

– Ты даешь, – говорит мне Светочка, когда Глеб отходит от нашего столика. – Я думала, ты язык проглотишь...

– Ты полагала, что дочерей олигархов воспитывают в монастыре? – осведомляюсь я, собрав все присущее мне ехидство. – Вовсе нет. Представь, у меня даже гувернантка была. Правнучка баронессы Буксгевден, фрейлины императрицы. Она учила меня манерам и искусству общения с мужчинами. Практики у меня было немного, но теория...

– Ну и ну! Гувернантка? Баронесса? Seriously?

Кажется, мне в кои-то веки удалось произвести на Светочку впечатление.

– Абсолютно. И вообще я, к твоему сведению, вела очень насыщенную светскую жизнь. Я танцевала на балах в Вене.

– Да ты что! – Светочка неизящно раскрыла рот.

– Вот тебе и «что». Ты никогда не увидишь, как там красиво, а жаль. Самый статусный – оперный бал, венец бального сезона. На него собираются знаменитости со всего

мира. Зал Венской оперы весь украшен эквадорскими розами, они пахнут так, что кружится голова. Бал открывает президент Австрии, господин Хайнц Фишер. Несмотря на возраст он отлично вальсирует. А потом сто восемьдесят пар танцуют полонез. И все так утонченно, так роскошно... Зал обслуживают три сотни «людей бала». Представляешь, среди них есть даже портной и обувной мастер – вдруг какая-нибудь дамочка сломает каблук? Но еще лучше императорский бал. Он проводится в новогоднюю ночь, во дворце императора Франца Иосифа и его жены, красавицы Сисси...

– Надо же, – восхитилась Светочка. – Ты и императрицу видела! А что это ее как зовут странно?

– Да нет, Светочка, ты не поняла. Это когда-то дворец принадлежал императорской чете. А сейчас в Австрии парламентская республика.

– Свергли, значит, – сочувственно сказала коллега. – Я вроде что-то читала. Им головы отрубили, да?

– Императрицу Сисси убил итальянский анархист Луиджи Луккени. Она прогуливалась по набережной Женевы со своей камеристкой Ирмой Шарай. Он напал на императрицу, ударил острой заточкой в сердце и сбил с ног. Сисси даже не поняла, что произошло. Ей показалось, что странный незнакомец хотел сорвать с нее ожерелье... На месте удара осталась только крошечная треугольная ранка. Императрица поднялась и продолжила свой путь. А вечером умерла от внутреннего кровоизлияния...

– Вот ужас-то! Зачем же он это сделал, анархист-то?

– Он ненавидел всех императоров и королей. Кроме того, говорили, что он мстил таким образом своей матери. Она происходила из знатной семьи, но родила внебрачного ребенка и вынуждена была отдать его в приют.

– Вот я без гувернанток воспитывалась, поэтому всего этого и не знаю, – пригорюнилась Светочка. – А как интересно!

– А ты книжки читай, не только глянцевого журналы. Или хотя бы хорошее кино смотри. Например, «Сисси» с Роми Шнайдер.

– Думаешь, мне понравится?

– Я уверена.

– Ну, попробую. Слушай, ну и что там у них во дворце?

– Теперь этот дворец – официальная резиденция президента Австрии. У входа выставлен караул императорской охраны, гостей встречают лакеи в ливреях, на скамеечках сидят девушки в платьях по моде прошлых лет, а молодые люди в белоснежных париках преподносят им маленькие подарки – все как в старину, при дворе Франца Иосифа.

– Ух ты! А какие подарки?

– В последний раз были веера.

– Зачем они, теперь всюду кондиционеры, – вздохнула практичная девушка Света.

– Дарили и зеркальца, и фигурки работы Сваровски, и духи, и поездки на фиакре, и даже позолоченные флешки.

– Деньги к деньгам, – непонятно отозвалась Светочка. – Ну-ну, расскажи еще что-нибудь!

– Еще бывает Huntersball. Бал охотников. Все участники одеваются в австрийские национальные костюмы. Дамы в хорошеньких платьях с широкими оборчатými юбками, мужчины – в альпийских жакетах. Танцуют под национальную музыку...

– Хм, не думаю, чтобы мне показалось бы так уж страшно весело.

– А Rudolfina Redoute? Это единственный бал-маскарад, где командуют дамы.

– Вроде женского дня в стриптиз-баре? Девчонки зажига-ают!

– Ну, типа того. Дамы все в масках, и все танцы – белые.

– В масках – это дело. А то я недавно так оскандалилась в «Дикой утке», что до сих пор стыдно туда соваться. А была бы я в масочке, так все шито-крыто. Твои аристократки, я смотрю, тоже не промах.

– Думаю, тебе бы понравился и Lebensball. Он самый модный, билеты туда достать просто нереально.

– А почему?

– Ну... такой он популярный. Его придумала «голубая» тусовка.

– Тут я с тобой согласна. Геи – они умеют веселиться. И что там?

– Там бывают самые интересные люди: художники, писатели, поэты, актеры, демонстрируются самые дорогие, изысканные вечерние платья и украшения, представляются парфюмерные новинки. Обязательно в программу входит показ мод какого-нибудь известного дизайнера. В прошлый раз были Дольче и Габбана... Но мне больше всего понравился Bonbon-Ball – конфетный бал. На нем гостей угощают знаменитой австрийской выпечкой, везде горы конфет, стены выкрашены под розовую глазурь, и на этом балу выбирают сладкую королеву. Ее сажают на одну чашу весов, а на другую насыпают столько шоколада, сколько надо, чтобы их уравновесить. И всю эту гору шоколадок королева может забрать с собой, представляешь?

– Какой восторг! Ты у нас сладкоежка, оказывается. Слушай, но туда же кого попало не приглашают? Поди-ка, только аристократию и солидных людей?

– Да нет, кто угодно может пойти. Только билет надо купить.

– Дорогие билеты?

– По-разному. Есть дешевые – десять евро, пятнадцать. Это если с балкона смотреть, но не танцевать. А сколько наши стоили... Я даже не знаю.

Разумеется, не знаю – я ведь их ни разу не покупала. Аптекарь сам заказывал и платил за них через Интернет. Его это отчего-то страшно забавляло.

– А платья? Там же, наверное, все шикарно одеты?

– Разумеется. У каждого бала свой дресс-код. На некоторые пускают только в темном костюме, на другие – в смокинге, на какие-то – без фрака и не появляйся.

– Да что ты мне о фраках? Я их только по телевизору видела. Меня больше платья интересуют.

– Тут кто во что горазд. Есть негласное условие, что нельзя дважды появляться в одном платье.

– Ни фиги ж себе!

– Вот именно. Поэтому в Вене полно магазинов. На разный карман. У кого с финансами нормально – едут в Первый район, в бутик Popp & Kretschmer. Там самые шикарные платья, в единственном экземпляре. Там же и аксессуары подберут – и туфли, и сумочку. Но в этом бутике продают сотни две платьев в год, не больше. Остальные дамы одеваются в обычных торговых центрах, где можно сотни за две приобрести очень милое платье. А вообще, многие делают так. Как ты думаешь, куда богатые люди девают эксклюзивные платья? Сдают в прокат. За десять-двадцать евро можно получить шикарное платье, только один раз засвеченное, представляешь?

– Платье от известного дизайнера?

– От самого, самого известного!

– Я бы только так и делала, – вздохнула Светочка.

«Я бы тоже», – чуть не ляпнула я. Мне случилось как-то попасть в дивный уголок, где давали напрокат чудесные платья. Они были похожи на райских птиц, присевших на кронштейны. Мне страшно хотелось выбрать одно из них. Кто носил это – красное, с корсажем, расшитым бутонами роз? А это – узкое, как перчатка, черное со змеиным лоском, плиссированным веером расходящееся от коленей. Мне казалось, что с одним из этих чужих платьев

в мою жизнь войдет то, чего мне так не хватало: терпкий привкус интриги, вольный дух приключений, пряные ароматы греха!

Но Аптекарь сам выбрал для меня туалеты. Никаких комиссионных тряпок, боже упаси! Банальных девических фасонов платья – тех оттенков, в какие окрашена дешевая магазинная пастила. Бледно-зеленое, бледно-розовое, белое... Белое платье было самое ужасное – с рукавами-фонариками. Эти фонарики испортили мне весь бал. Они были наивны, провинциальны, они совершенно не совпадали с тем образом загадочной роковой красавицы, который мне так хотелось воплотить в жизнь...

– Ну, а что там танцуют?

– Конечно же, вальсы! Штрауса, Листа... Сначала дебютанты выходят на полонез. А потом распорядитель объявляет: «Alles Walzer!» И все танцуют. Польки, галопы, танго, фокстрот... А потом еще – квик-степ, или даже румбу и сальсу.

– Скука смертная, – заявила мне Светочка. – Все-таки вы, богатые невесты, совершенно не умеете развлекаться.

Я только улыбнулась ей. Мне вспомнилось – кружение платьев, воздух, напоенный тонким благоуханием цветов, зыбкие огоньки свечей и вальсы, вальсы...

Что ж, может быть, и скука...

– Так что, я тебя подкрашу сегодня? У тебя же свидание. Надо быть при параде.

– Мы, богатые невесты, и так хороши.

Это была моя маленькая месть за «скуку смертную».

– Тоже верно, – сказала Светочка и загрустила.

Глава 2

Мне не хотелось в пафосное место, одно из тех, куда мы заходили с Аптекарем.

Однажды мы проезжали мимо какого-то вещевого рынка, и там, в укромном уголке, черные люди жарили шашлыки и продавали их на бумажных тарелочках. Полусырое, полуобугленное мясо походило на запретный плод – чем более запретный, тем более вкусный и желанный. Над мясом струился ароматный дымок, а пластиковая вилочка, втыкаясь в хрустящие кусочки, добывала из них ароматную слезу. Шашлык надо было есть горячим, с пылу с жару, отправляя в рот вместе с мясом грубо нарезанные кольца и брусочки репчатого лука. Особый ароматический колорит всему блюду придавал дешевый кетчуп ярко-красного цвета, выдавленный скорее всего прямо из пластмассовой бутылки, и ломти пресной лепешки-лаваша... Как мне хотелось выйти из машины и заказать шашлык, да хотя бы краем глаза посмотреть, как он готовится! Как гордо раздувает ноздри огонь, получая свой деревянный паек, как суетится над шашлыком повар, он же, вероятно, и хозяин немалого предприятия, раздувая угли старым номером журнала «Хелло». А все его хозяйство – жаровня да стол с липкой клеенкой, да четыре хлипких пластиковых стула. Сесть бы там и ждать, ждать не шашлыка, а запаха шашлыка. И вот он потянулся, сначала едва ощутимо, потом сильнее и сильнее, и ты не выдержишь, и хочешь еще раз заглянуть в жаровню, а тут... Тут приносят его, дымящийся и аппетитный, и пара салфеток кажутся нелепым и ненужным дополнением к этому верху кулинарного искусства... Запивать шашлык, разумеется, надо красным вином или пенистым пивом – я никогда в жизни не пила пива, но мне кажется, оно должно быть очень вкусным... А потом, кивая на прощание хозяину, вдруг увидишь в глазах его, действительно сказочно черных, какую-то необъяснимую загадку, какую-то древнюю тайну...

Но как я могла сказать об этом Глебу?

– Будь так добр, отвези меня в шашлычную при рынке!

Интересно, какое выражение лица у него стало?

И что бы он сказал?

Да и столик в «Акватике» уже заказан...

В общем, поехали туда.

Как только я села в машину Глеба – автомобиль у него был такой же, как и он сам, новенький, аккуратный, но без признаков индивидуальности, – мой кавалер приобрел такой вид и осанку, словно я была ребенком или душевнобольной, а он принял на себя попечение обо мне. Глеб вел машину подчеркнуто осторожно, спрашивал, не дует ли мне в окно, не хочу ли я воды, не нужно ли поставить другую музыку.

– Ты прямо как мой отец, – сказала я.

Кажется, он принял это за комплимент.

В общем, рассчитывать на интересный вечер не стоило. Но недаром у меня была гувернантка. Я вполне могла поддержать светскую, интересную, но ни к чему не обязывающую беседу. Решив не разбрасываться по пустякам хорошим материалом, я пустилась рассказывать Глебушке про венские балы. Он лучезарно кивал и улыбался – усиленно делал вид, что ему это интересно. А может, ему и в самом деле было интересно, кто его знает. Чтобы компенсировать себе скучнейший ужин, я заказала самый дорогой десерт – грушу, сваренную в меду, с карамелью и лавандовым мороженым. Это оказалось совсем невкусно, и я завидовала красивой девушке за соседним столиком, которая ела вишневый штрудель. Ее спутником был одышливый толстяк, вероятно, отец. Он шумно питался гурьевской кашей. Девушка, по всей видимости, по-своему истолковала мои взгляды, потому что вдруг покраснела и стала

поправлять блузку от Валентино мелкими клевками пальцев, а потом вызывающе уставилась на меня.

Не то чтобы мне хотелось продолжить вечер. Но как-то казалось – вдруг невидимая рука убавит свет, напряжение схлынет, и мы станем юной, влюбленной, хохочущей парой. Помчимся куда-нибудь танцевать – всю ночь напролет. Поедем встречать рассвет на Воробьевы горы...

Глупо было на это рассчитывать. После ужина Глеб повез меня домой. Быстро. Словно не мог дожидаться, когда этот вечер кончится.

Я пригласила его зайти вежливости ради, не ожидая согласия. Но он согласился. Может быть, для того, чтобы лишний раз попасться на глаза Аптекарю. Продемонстрировать лояльность и рвение. Я плохо думала о Глебе, но ничего не могла с собой поделать. Я слишком привыкла подозревать. Мы вместе прошли по узкой каменной дорожке к дому. Наши плечи соприкасались, но мы не взяли за руки. По особым приметам я поняла, что Аптекаря нет, и обрадовалась. Открыла дверь своим ключом. В прихожей горел мягкий свет. Ирина спустилась со второго этажа нам навстречу. На лестнице было темно, и мы увидели сначала ее ступни в мягких туфельках и ноги, обтянутые джинсами, потом кашемировый свитер цвета клюквы, который я привезла Ирине из Италии... А потом появилось ее лицо, и я почувствовала плечом, как вздрогнул Глеб. Я не смотрела на него, но ощущала охватившее его беспокойство. Он блестяще справился с собой – для свежего человека. Я привыкла к внешности Ирины Давыдовны с детства, другой ее и не помнила.

Она немного хромала и припадала на один бок.

А ее лицо...

Если посмотреть слева – это было вполне миловидное лицо достойно стареющей женщины.

Правая же часть лица стянута была глянцевым бело-розовым шрамом. Глаз был слегка оттянут вниз, уголок рта, напротив, вздернут в усмешке. Правая ушная раковина тоже оказалась изуродована, изорвана, но этого не было видно – Ирина прикрывала ухо небрежно падающими волосами.

Я к ней привыкла и не замечала особенностей ее внешности.

Более того, она казалась мне красивой.

Ведь она мне была ближе всех на свете.

С ней одной на свете я могла поговорить. Она служила чем-то вроде буфера между мной и Аптекарем. С ней мы ходили на могилу к моей маме и сестре, погибшим в автокатастрофе.

Черный мраморный обелиск, изображавший плачущего ангела, высился на скромном кладбище, где не хоронили ни известных актеров, ни политиков, ни бизнесменов. Даже неясно было, как Аптекарь мог выбрать для упокоения своей жены и дочери такое... непафосное место. Может, тогда он еще не был столь оглушительно богат? Да нет, о нищете разговора не шло. Я смутно помню маму – не лицо ее, а ощущение ее беспокойного присутствия. Чуть больше я помню сестру – хотя не уверена, что это именно она, а не мое отражение в зеркале. Она живая, очень смешливая. Она ласкова, любит сидеть у взрослых на коленях и обниматься. У нее в волосах красивые заколки с крупными стразами, они привлекают меня неудержимо, я тяну к ней руки – и она тянет ко мне свои. Вернее всего, в моих волосах сверкают такие же заколки, и они также привлекают ее...

Помимо этого воспоминания, хорошего, у меня есть и другое – плохое.

Ночь. Мы куда-то срочно уезжаем – я, сестра и мама. Сестра уже сидит в машине, а меня мама тянет за руку. Я плачу, упираюсь, я не хочу, не хочу никуда идти! Уже поздно, в это время мне всегда дают теплого молока и укладывают в постель. Я чувствую усталость

целого дня, она отдается у меня в груди неприятной дрожью, от этой дрожи хочется хныкать. Все же мама сажает меня в машину, и тут я вспоминаю, что мы забыли барашка.

Моего чудесного мягкого барашка, чья белая шерстка пахнет так знакомо и приятно! Кудрявого, мягкого барашка с доброй и кроткой мордочкой! Я не расстанусь с ним ни на минуту, он всегда со мной – и за едой, и на прогулке, и во время сна.

Как же я могла забыть своего барашка? Он должен ехать с нами!

Дверь захлопывается с неумолимым ужасным лязгом.

Я бью по спинке водительского кресла. Я встаю ногами на сиденье и обнимаю маму за голову, за лицо.

– Мапочка, вернемся, вернемся за барашком!

Она отводит мои руки от своего лица, отбрасывает их, говорит мне что-то. Она убеждает, увещевает и обещает, смысл ее слов ускользает от меня, но по тону я понимаю – мы не вернемся за барашком, он где-то в темноте, один...

Может быть, плачет и зовет меня.

Эта мысль причиняет мне физическую боль, и я снова кричу и умоляю.

Но мои крики заглушает визг тормозов. Машина закладывает крутой вираж, я валюсь на обмякшую, неподвижную сестру. Мир переворачивается, я стучаюсь обо что-то головой. Я слышу крики. Меня хватают, тормозят, я лечу по воздуху куда-то, и вдруг рядом появляется мой барашек. Я обнимаю его и проваливаюсь в забытье.

Я никому и никогда не рассказывала про это воспоминание. Да и кому оно могло показаться интересным? Только Аптекарю и Ирине Давыдовне – а им и без того были знакомы обстоятельства смерти моей сестры и матери...

Только вот догадывается ли кто, что в этой смерти могла быть виновата я?

Что это я кричала, плакала, била ногами по креслу и хватала мать руками за лицо, чтобы она вернулась за моим барашком?

Безусловно, моя истерика ее отвлекала. Она не могла сосредоточиться на дороге и врезалась во что-то или столкнулась с другой машиной. По злой иронии судьбы я, виновница трагедии, осталась в живых.

А обе они – погибли.

Не потому ли отец ко мне так холоден и равнодушен?

Быть может, это и не равнодушие, а старательно сдерживаемая ненависть?

Даже если он и не знает, какую страшную роль сыграл в этой истории мой белый барашек...

Но вдруг Аптекарь сравнивает меня с моей сестрой, живой, смешливой и ласковой девочкой, обожавшей сидеть у него на коленях и обниматься?

Вдруг он думает про себя – пусть бы та, другая, осталась в живых?

А эта – молчаливая, мрачная и угрюмая девица – погибла бы.

У него могла быть совсем другая дочь. Она бы оживила своим присутствием этот больной, холодный дом. Она бы придала лоск его богатству. Она бы хохотала и пела, вышла замуж, родила бы внуков-богатырей. Двух или трех наследников.

А на меня надежда плохая.

Или он думал о моей матери?

Ведь недаром Аптекарь так и не женился после ее гибели.

А он был еще молод. Он мог бы жениться еще раз десять. Как многие его соратники – на длинноногих моделях, на безголосых певчихах и просто на юных хищницах, слетавшихся на запах денег, как мотыльки на пламя свечи. Год от года его избранницы становились бы все моложе и моложе – сначала приближаясь ко мне в возрасте, потом сравнившись, а после уж и снова отдаляясь. Только уже в другую сторону.

Но Аптекарь так и не женился.

Видимо, он очень любил мою мать. Ни разу на моей памяти не ходил на ее могилу – значит, любил живой, а не свои воспоминания о ней. Никогда не говорил о ней – значит, любовь оказалась сильнее слов.

Мама была очень красивая, если судить по тем немногим фотографиям, что сохранились в доме.

Какие волосы! Как солнечный свет!

Какие глаза! Как небесная синева!

На одной из фотографий мама придерживает на голове крошечную, ослепительно сверкающую диадему. На ней сильно декольтированное платье. Она улыбается во весь рот. Зубы сверкают. На заднем фоне можно различить буквы: «Московская краса...»

Мама побеждала на конкурсах красоты.

Я набрала во вездесущем «гугле» ее имя.

Гугл молчал, как партизан.

Очевидно, она участвовала в конкурсе под девичьей фамилией. Я ее не знала. Спрашивать не хотела. Но на обороте фотографии с короной кто-то (мама?) написал карандашом дату.

Надпись почти стерлась, но различить было еще возможно. Я обвела карандашные линии ручкой и забила дату конкурса «Московская красавица» в поисковик.

В тенетах Интернета нашлась и фотография московских красавиц девяностого года. Мама вышла плохо – ее трудно было узнать, но я знала, что это она и есть. Избранная королевой красоты блондинка – ногастая, грудастая, – заслонила ее букетом белых роз. Анжелика Анисимова. Приз зрительских симпатий. В настоящее время проживает в Майами.

Невзирая на явную ошибку, вкравшуюся в биографию мамы, – она не могла проживать в Майами, она лежала на маленьком кладбище, и черный мраморный ангел плакал над ней уже много лет – я была рада этой заметке. Я была счастлива, что нашлось какое-то свидетельство о том, что у меня была живая и веселая мама, которая даже побеждала в конкурсах красоты...

Разумеется, с ней в доме жилось бы по-другому.

Может быть, она бы даже пироги пекла, и запах сдобы плыл бы по дому.

Мы ходили бы с ней по магазинам. Она покупала бы мне платья и учила пользоваться косметикой. Духами. Сама она пользовалась духами – я нашла флакончик в старинном туалетном столике. Он завалился в потаенную щель, за ящик. Я не сомневалась, что это ее духи. Притертая пробка потерялась, золотые буквы названия истерлись, но запах остался – слабая тень, едва ощутимый намек... словно едешь в автомобиле с новенькими кожаными сиденьями мимо персиковых рощ.

Я бы тоже пахла персиками и кожей, а не туалетным мылом, пусть даже дорогим.

И мы бы завели собаку, а за столом говорили о перспективах отпуска.

Пусть бы у нас не было столько денег, но была бы настоящая семья. Нормальные разговоры, как у всех.

А так мы даже не знали, о чем поговорить с Глебом и что подать к кофе. Я рассчитывала на Ирину, а она как-то растерялась. Впрочем, ее можно понять. Я никогда не приезжала домой с молодым человеком. Она стала предлагать нам ужин, но мы только что были из-за стола и отказались. Тогда Ирина взялась варить кофе. Глеб старался на нее не смотреть. Приехал Аптекарь, и это, как ни странно, разрядило атмосферу. Он привез какой-то невероятный сыр, который, конечно же, все обязаны были попробовать. Пили кофе в гостиной, я включила телевизор. Аптекарь не одобрял, но не сказал ничего. На обширном плоском экране появился красавчик Грегори Пек, потом Одри Хепберн с глазами олененка Бемби. Шли «Римские каникулы». Я смотрела этот фильм много раз и всегда завидовала принцессе,

которая нашла в себе достаточно храбрости сбежать из чопорного дворца, ночевать у случайного знакомого, остричь длинные волосы и есть мороженое на улице.

Вот как много хорошего с ней произошло!

Глеб неплохо чувствовал себя у нас дома – шутил, внимал Аптекарю, с удовольствием ел нестерпимо воняющий сыр и даже положил руку на спинку моего стула. Только на Ирину Глеб все еще посматривал с некоторой опаской. Он собрался уезжать, и мы все вышли проводить его. Пошел тихий дождь, из парка пахло свежестью, мокрой землей, мятой зеленью. Во мне проснулось необыкновенно приятное чувство – все было, как на самом деле: мы всей семьей провожали запоздавшего гостя, стоя на крыльце. Ирина пошла с Глебом до машины, чтобы закрыть за ним ворота. В этом не имелось особой необходимости, так как ворота можно было закрыть из дома. Но это входило в ритуал проводов.

Я поднялась в свою комнату. Там пахло каким-то моющим средством – Ирина, пока я гуляла, сделала уборку. Не включая света, я распахнула окно и села на подоконник. Мне хотелось продлить очарование этого вечера. Может быть, помахать Глебу рукой...

Окна моей комнаты выходили на подъезд. Правда, обзор оказался почти полностью закрыт. Возле дома рос каштан. Аптекарь говорил, что это дерево никто не сажал. Что мы с сестрой любили играть плодами каштанов, гладкими, словно отполированными, и рассыпали их по всему парку. Парка тогда еще, собственно, не было – просто земля, из которой в скором времени проросли молодые каштаны. Явившиеся ландшафтные дизайнеры безжалостно уничтожили поросль, засадив парк геометрически образцовыми деревьями – коническими голубыми елками, пирамидальными грабами, шаровидными ивами. Но один каштан то ли спасся от хищных взоров дизайнеров, то ли пощадила его чья-то воля, но он вырос под моим окном и разросся так, что я видела только отблеск фонаря на крыше колесницы моего возлюбленного. Впрочем, в тишине поселка (только лениво лаял где-то пес) я отчетливо услышала, как заскрипела, открываясь, калитка. Ирина с Глебом говорили о чем-то вполголоса – вероятно, как и следовало воспитанным людям, обменивались метеорологическими замечаниями. Вот Глеб сел в машину, донесся звук заработавшего мотора. Ирина повысила голос, чтобы быть услышанной, и до меня долетел обрывок фразы:

– ...и ты потрудись быть пунктуальным, потому что я за всё...

Я осторожно слезла с подоконника и ушла в глубь комнаты. Мне не хотелось слышать, как она распекает Глеба. Речь шла, очевидно, о том, что мы опоздали – обещали приехать в одиннадцать, а явились без десяти двенадцать... В общем, Ирина была вправе сердиться, но все же тон ее претензии показался мне неприятен и непонятен, она говорила с Глебом, как с лакеем, и обращалась к нему на «ты», хотя только пять минут назад, сидя за столом, они были на «вы», и Ирина смеялась корректным шуткам Глеба. Это обстоятельство заставило меня задуматься о том, какое место в нашей домашней иерархии занимает ухаживающий за мною молодой человек – самое последнее, ниже шофера, допустим, потому что с Кузьмичом Ирина всегда была предельно вежлива. Нет, Глеб не увезет меня из дворца. Не есть нам с ним мороженое на Испанской лестнице Рима.

Впрочем, его все равно есть за что благодарить – провожая меня на свидание, Аптекарь внезапно расщедрился и выдал мне кредитку.

– Может быть, ты захочешь заплатить сама? – шепнул.

Я пыталась, но Глеб этим едва не оскорбился.

Впрочем, через два дня мы снова встретились. Мы поехали в недавно открывшийся молл. Вообще, парочкам, которые не питают друг к другу пылких чувств, такие места для свиданий – настоящий клад. Можно даже не разговаривать особенно: посмотреть в суперсовременном кинотеатре легкий фильм, перекусить в одном из ресторанов и пошляться по магазинам. Что еще нужно для полноценного свидания? Ах да, еще пообжиматься в авто-

мобиле на подземной парковке. Мы миновали три первоначальных этапа, и теперь Глеб, видимо, соображал, стоит ли перейти к четвертому, то есть к страстным обжиманиям на парковке. Я прямо-таки слышала, как в его красивой голове с мучительным скрежетом проворачиваются шестеренки – он решал, пора или не пора обнять меня? А может быть, я до такой степени не вдохновляла его чувства, что он никак не мог решиться? Как бы то ни было, Глеб остановился ровнехонько посередине – поцеловал меня в автомобиле. Интересно, где находились его руки, когда он меня целовал? Он ведь ко мне даже не прикоснулся. Держал за спиной, сложенными в кукиш? Его губы оказались мягкими и нежными, в слюне ощущался привкус мяты, и он сам вовсе не был мне неприятен, но тем не менее я ничего не чувствовала, как будто мой рот был заморожен ледокаином.

Видимо, Глеб что-то понял, отстранился и с превосходно сделанной улыбкой чмокнул меня в кончик носа. Посмотрел на часы, озабоченно покачал головой и повернул ключ зажигания.

– Пора сдавать мое сокровище на хранение отцу, – сказал мой спутник.

И тут раздался жуткий крик, от которого у меня кровь застыла в жилах.

Мне показалось, мы сбили этого парня – во всяком случае, если бы Глеб не заглушил двигатель сию же секунду, мы бы наверняка его переехали.

Он лежал почти под колесами. Его руки и ноги беспорядочно двигались, молотили по воздуху. Мне показалось, что у незнакомца на губах была пена. Из-под неплотно закрытых век виднелись мутные белки закатившихся глаз.

Кричал не упавший парень. Он бился молча. Как живая рыба на раскаленной сковороде. Кричала девушка, бросившаяся на колени рядом с ним. Длинные спутавшиеся волосы закрывали ее лицо. Она пыталась схватить парня за руки – зачем?

– Что с ним? Эпилепсия? – спросил Глеб, выметнувшись из машины.

– Я... Я не знаю, – простонала девушка. – Ничего не понимаю... мы шли... и вдруг он упал... вызовите «Скорую»!

Но припадок кончился. Парень вздрогнул еще пару раз и затих.

– Малыш, у тебя эпилепсия? Малыш! – заверещала девица.

Малыш, скажите, пожалуйста!

Ее голос показался мне до странности знакомым.

Какая-нибудь секретарша с фирмы? Бывшая однокурсница? Круг моего общения всегда был невелик.

– Все в порядке, – сказал парень тихо, но твердо. – Это бывает. Это не страшно и почти безопасно... Если рядом хорошие люди.

Возведенные в ранг хороших людей одним только фактом выхода из машины, мы с Глебом переминались с ноги на ногу и не знали, что говорить.

– Сейчас я встану, – продолжал парень. – Встану, и мы поедем домой. Настя, не нужно плакать...

– Вам нельзя сейчас за руль, – сказал Глеб.

– Вы думаете? Вообще-то приступ никогда не повторяется быстро...

– Неважно. Вам нужно побережься. Нет-нет, я не могу этого позволить! Мы вас подвезем. Ты не против, Александрина?

– Нет-нет, – поспешила сказать я. – То есть, конечно, мы вас подвезем.

– Тогда девчонки садятся назад, – распорядился Глеб, помогая парню подняться.

Я пропустила девушку вперед себя. Она села, откинула назад свои длинные спутавшиеся волосы. Я увидела ее лицо, очень симпатичное, несмотря на явное злоупотребление косметикой.

Вздернутый носик, высокие скулы, светло-зеленые глаза, густо обведенные черным карандашом и серыми тенями. Упрямо выпяченный подбородок – по нему размазалась мод-

ная светло-бежевая губная помада. Мягкий рот округло раскрылся, издав мягкий, округлый звук:

– О...

Девушка подняла руку и откинула за ухо прядь волос. Волосы у нее бежево-коричневые, блестящие, очень красивые. У меня не такие – темно-русые, унылые.

А в остальном – девушка являлась точной моей копией.

Как если бы она была моей сестрой, погибшей в детстве.

– словно я, ненакрашенная, смотрю в зеркало, – пробормотала незнакомка, не сводя с меня глаз.

А потом она сказала чуть слышным шепотом:

– Ты – Александрина?

– С ума сойти, – высказался Глеб. – Это просто с ума можно сойти...

Молодой человек, не так давно бившийся в припадке, высказался в том же духе, но в куда более вольных выражениях.

– Ты меня знаешь? – спросила я.

Кажется, это был очень глупый вопрос.

– Да. Ты моя сестра Александрина. А я Анастасия. Ты меня помнишь?

– Смутно, – я все еще не могла поверить в то, что моя сестра восстала из мертвых у меня на глазах, в облаке свежих духов, в ореоле размазанной косметики. – Мне говорили, что ты умерла.

– Кто? Папаша твой?

– Да. Он.

– Ну, все ясно, – Анастасия откинулась назад и улыбнулась одним уголком рта.

Это была моя улыбка. Наша фирменная улыбка.

– Он сказал маме, чтобы та не пыталась с тобой сблизиться, не смела видаться с тобой – иначе он ее убьет. Но мы и думать не могли, что...

– Маме? Ты хочешь сказать, что и мама жива?

В машине стало очень тихо.

А потом Глеб предложил:

– Слушайте, девочки. Может быть, вам нужно посидеть вдвоем где-нибудь в уютном месте?

И тут только я осознала реальность. Мы были не одни!

– Глеб...

– Я понял, – он поднял руки, словно сдаваясь в плен. – Я не скажу ни слова. Ни одного чертова слова. И не только ему... Но и никому.

Я ощутила такой приступ благодарности, что внезапно для себя перегнулась через спинку сиденья, порывисто обняла Глеба и поцеловала.

И это был настоящий поцелуй, я все почувствовала, как надо.

– Ого! – одобрительно сказала Анастасия.

И потом:

– Так что, мальчики? Подкиньте нас куда-нибудь... И прикройте наши очаровательные задницы от всевидящего ока нашего папаши!

Мне показалось, или моя сестра очень смело выражается?

Мы заняли маленький кабинет в ресторане, а наши кавалеры остались в общем зале.

Уселись за столик у дверей кабинета – на страже.

– Я бы заказала пива, – заявила Анастасия. – Это чешский ресторан, тут надо пить пиво. И есть шпикачки. Зажаренные в хлам. Черт с ней, с диетой!

– Черт с ней, – повторила я. – И мне пива.

Пиво оказалось изумительным.

Но еще изумительнее было то, что я услышала.

– Мы и не думали умирать, вот еще! Мама мне все рассказала. Она была очень молодая, когда вышла замуж. Потом мы с тобой родились. А когда подросли, она поняла, что не любит Воронова... Извини, я не могу называть его отцом.

– Понимаю. Я тоже не произношу это слово.

– Вот как? А как же ты его называешь?

– Аптекарь.

– Круто... Ну так вот, слушай...

Начинающая и не очень удачливая модель Анжелика Анисимова к восемнадцати годам уже успела хлебнуть лиха – да не чайной ложечкой, а поварешкой. Родилась в самой простой семье, мать вкалывала на хлебокомбинате, отец раньше был рабочим на железной дороге, в результате несчастного случая лишился руки, получал пенсию и методично ее пропивал. Иногда дома нечего не было есть, кроме хлеба и воды из-под крана. Сомнительная диета, но она пошла Анжелике на пользу. Из гаденького подростка она развилась в очень красивую девушку с идеально тонкой фигурой и отстраненными светло-зелеными глазами. Едва получив аттестат о среднем образовании, Анжелика сбежала в Москву, чаяла сделать карьеру в модельном бизнесе. Как и сотни подобных ей девчонок, надеялась, что деньги польются полноводной рекой, слава станет лучшей ее подругой, а олигархи, как один, сложат к ее стройным ножкам свои несправедным путем нажитые состояния.

Но все оказалось не так-то просто. Столица не спешила раскошелиться, а слава застряла где-то в пути и даже не слала телеграмм. Олигархов тоже было не видеть.

Так что, когда Анжелика встретила Воронова, она смогла оценить его достоинства в полной мере. Он был влюбленным, преуспевающим, уравновешенным. Он не принимал наркотиков, не был прочно женат и не обладал прискорбной склонностью к извращениям. Анжелика на тот момент согласилась бы и на меньшее. Она ухитрилась прибрать Воронова к рукам и забеременела прежде, чем он успел бы выговорить слово «дженерик»¹.

Рождение дочерей-близняшек привязало мужа еще крепче. Хорошо бы сына... Но и так неплохо, так ведь?

Так, да не так.

Вольной птичке Анжелике стало смертельно скучно в золотой клетке. Воронова она не любила, а полюбила другого человека. Кого именно – история умалчивает. Может быть, это ее нынешний муж, с которым она живет в Майами...

Но вряд ли.

Анжелика попросила у Воронова развод.

Муж, в принципе, оказался не против.

Но сказал:

– Детей я тебе не отдам.

Спорить с ним – себе дороже. И Анжелика воздержалась от дискуссий. Она решила выкрасть дочерей.

Воронова не было в тот вечер дома. Анжелика собрала украшения, шубы, деньги. Усадила дочек на заднее сиденье своего джипа. И пустилась в побег. Но допустила одну ошибку – забыла любимую игрушку одной из дочерей. Та устроила сцену. Она кричала и плакала так, что охрана, дежурившая у выезда из поселка, заинтересовалась машиной. Анжелика попыталась объехать шлагбаум, но скатилась в кювет, где и завязла. И всю эту картину застал вернувшийся домой Воронов.

¹ Непатентованный лекарственный препарат, являющийся воспроизведением оригинального препарата, на которое истек срок патентной защиты.

До него дошло, что жена настроена очень серьезно, и он предложил компромисс. Анжелика могла забрать с собой одну дочь, вторая оставалась с отцом. Бывшая жена не имела права видиться с дочкой и давать о себе знать – при выполнении этого условия ей и ребенку, которого она забирала, обеспечивалось очень приличное денежное содержание.

– И она согласилась? – спросила я.

Пиво показалось мне горьким, как желчь.

– Ну да... Только не вини ее, ладно? Маме деваться было некуда. Отец все равно бы ее к тебе не пустил. Он считал, что она ничему хорошему не может тебя научить. А один ребенок лучше, чем ничего...

У меня было свое мнение на этот счет, но я решила пока его придержать.

– Воронов хотел, чтобы мать уехала из столицы, но та уперлась. Мы жили в Бутово. Квартиру он купил приличную, надо отдать ему должное...

В дверь кабинета постучали.

– Да! – сказали мы с сестрой одновременно.

Переглянулись и засмеялись.

В щель просунулась голова Глеба.

– Александрина, почему ты не берешь телефон? Александр Анатольевич звонил, спрашивал, где мы и чем заняты...

– Мне пора. – Я схватила сумку и метнулась к выходу.

– Да подожди! – закричала Анастасия. – Мы же еще даже не поговорили! Отзовишься ему, скажи, что в ресторане с подружкой.

– У меня нет подруг, – ответила я.

– Сейчас Александрине лучше поехать домой, – вмешался Глебушка. – Я за нее в ответе некоторым образом... И мне попадаться из-за вас не резон. Давайте-ка вы встретитесь завтра? Я с удовольствием привезу Александрину сюда, о'кей?

Мы договорились.

Мне казалось, что Аптекарь сразу должен все понять, даже не по моим глазам, а по голосу, когда я ему позвонила.

Но он встретил нас как ни в чем не бывало. Вот Ирина – та явно что-то заметила. Она внимательная и умная, перемены в моем настроении не укрываются от нее. Ирина глядела на нас испытующе, словно хотела спросить: «Ну, как?»

И хотя я знала, что это никоим образом не относится к моей встрече с сестрой, мне все равно было тревожно. Может быть, рассказать ей? Ирина сумеет сохранить мою тайну.

Нет, пожалуй, не стоит. Пусть будет что-то, что – только мое.

Ужин в этот раз прошел еще более скомканно, чем обычно. Во-первых, я боялась, как бы Аптекарь не учуял, что я пила пиво, а во-вторых, мне не терпелось уединиться со своими мыслями...

Темные, темные у меня были мысли – чернее темного чешского пива...

Первая волна эйфории схлынула.

Я осталась наедине с беспощадной правдой.

Отец лгал мне много лет. Допускал, чтобы я ходила к пустой могиле, к кенотафу² в виде плачущего ангела...

А ведь я даже цветы туда носила. Зимой – парниковые розы. Весною – ландыши. Летом – ромашки. А осенью – белые хризантемы, похожие на кочаны капусты. Любимые цветы мамы.

Интересно, есть ли в Майами хризантемы?

И как она могла?

² **Кенотаф** – надгробный памятник, который не содержит останков покойника.

Быть может, моя сестра не поняла этого. Но я чувствовала себя проданной. Мама продала меня отцу за ежемесячное содержание – довольно солидное, как признала Анастасия.

Но мне от этого не легче.

Ведь мама могла повторить попытку забрать меня.

И если бы она не забыла моего барашка... может быть, у нее бы получилось!

А если бы она отказалась от денег, от этих предательских тридцати сребреников, и не отказалась бы от меня?

Ну, пусть не жила бы рядом, ладно. Пусть звонила бы и спрашивала, как у меня дела в школе. Хвалила за пятерки. Ругала за шалости. Интересовалась бы моей жизнью.

Но у меня ничего этого не было.

Вообще ничего. Кроме барашка.

Где он, кстати, этот барашек?

Он лежал в кладовой, в старинной шляпной картонке.

Все такой же мягкий и кудрявый, только белоснежная шерстка пожелтела, и пах он теперь пылью.

Я уложила его рядом с собой и заснула.

А проснулась с таким же чувством, с каким в детстве пробуждалась первого января или утром в день своего рождения. Мне казалось, что меня ждет какой-то необыкновенный подарок. Но какой?

И вдруг я вспомнила. У меня же теперь есть сестра!

От счастья я даже оделась наряднее, чем обычно. И это не ускользнуло от внимания Аптекаря.

– Какая ты сегодня хорошенькая, – сказал он, мимоходом потрепав меня по голове, как люди ласкают домашнего питомца. – Куда-то собираетесь с Глебом?

– Я не...

– Да ладно, ладно. Он ведь мне уже звонил. Но, тс-с, это сюрприз.

И Аптекарь улыбнулся мне – одним уголком рта.

Глава 3

Глеб оказывал мне неоценимую услугу. Я даже предположить не могла, что он так пригодится. Мы доехали до Театра сатиры, свернули в переулок и помчались по адресу, который нам дала Анастасия.

– Я оставляю тебя там и заеду в девять. Только никуда не уходите, ладно?

– Договорились. Спасибо тебе.

– Не за что, – сказал Глеб, пристально взглянув на меня. – Ты что-то хотела спросить? Спрашивай.

– Зачем ты это делаешь?

– Что?

– Зачем помогаешь мне?

– Ты мне нравишься, – сказал Глеб. – Ты мне нравишься, и я рад быть тебе чем-то полезным. Слушай, я ведь все понимаю. Я не умею общаться с такими девушками, как ты. Ты извини, что я тебе это говорю, но раньше у меня были знакомые другого круга... И еще...

– Что?

– Жить очень скучно, – признался Глеб. – День за днем одно и то же. И знаешь, что завтра будет то же, что сегодня и вчера. Размеренное и нудное существование офисного планктона... А тут приключение. Настоящее. Опасное. Авантюрное.

– Мне кажется, это больше похоже на бразильский сериал. Одна сестра находит другую, потерянную в детстве сестру...

– Вот за что ты мне нравишься еще, так это за иронический склад ума, – развеселился Глебушка. – Беги, потерянная сестра. Смотри, не впади в кому, в сериалах такое постоянно случается.

У Анастасии оказалась чудесная квартира, я таких никогда не видела.

Все мои знакомые жили в страшно скучных домах, обставленных дизайнерами. Там были большие пустые пространства, лаконичных форм мебель и картины, идеально вписывающиеся в интерьер.

Анастасия жила в очень странной квартире – однокомнатная, она была двухэтажной, на антресоли вела скрипучая лесенка, и там стояла огромная кровать, книжные полки, пестревшие обложками, и валялись многочисленные мягкие игрушки – спальня. На первом этаже находилось что-то вроде гостиной с диваном и с телевизором, и тут и там царил самый развеселый кавардак. Повсюду валялась одежда, косметика и флаконы духов, конфеты и яблоки, бутылки с вином и из-под вина, книги, диски... К стенам были приклеены рисунки, порой весьма фривольного содержания. На них я старалась не смотреть.

На диване развалилась толстая персидская кошка.

– Царица Савская, брысь. Ася, сдвинь с дивана все барахло. Ах, да просто брось на пол. Будешь кофе? Правда, у меня молока нет. Поставила кастрюльку на огонь и забыла. Теперь ни молока, ни кастрюльки. Ты пей кофе, а я сейчас принесу тебе фотографии. Вот, ешь лимонные дольки. Ты любишь лимонные дольки? Я – обожаю!

Половина фотографий лежали в толстом альбоме, другая половина – в нет-буке бешеного оранжевого цвета.

– Как ты меня назвала?

– Ты все забыла. Ася, тебя так звали в детстве.

– А тебя?

– Стася. Неужели ты не помнишь?

Ей было легко говорить – ее воспоминания о детстве имели право жить. Ей было с кем обсудить их, с кем освежить в памяти всякие забавные подробности. А я забыла все или почти все...

Хотя, оказывается, кое-что лучше забыть, чем помнить.

– Смотри, Аська, вот я иду в первый класс. А тут мы с мамой на море...

Мама оказалась точь-в-точь такой, какой я ее помнила.

Хотя я не помнила ее совсем.

У нее были длинные светлые волосы и очень яркий рот.

Она была тонкая, звонкая, и от нее исходила какая-то тревога.

На каждой фотографии рядом с красивой женщиной и веселой, радостной девочкой мне виделась пустота.

Место, где должна была быть я.

– А это кто?

– Это Игорь. Ну, мамин мужчина. А это Миша, он был после Игоря. Или это Миша... Я уж и забыла. Но вот Эндрю – она за него вышла. Живет в Майами. Мы как-нибудь прокатимся к ней, да? Вот будет встреча!

– Может быть.

– У них там шикарно. Смотри, вот Эндрю и я возле бассейна. А это мы пьем пинаколаду. У меня там так волосы выгорели! Слушай, а у тебя отличный цвет волос. Ты у колориста красишься?

– Стася, я не крашу волосы. Это мой собственный цвет. Значит, и твой тоже.

– Да ты что, – протянула сестра, подцепляя одну из моих прядей. – Надо же... Я безуспешно пытаюсь добиться такого, пепельно-русого цвета... Он сейчас в моде. А он, оказывается, у меня и так есть, от рождения. Вот ведь, не знаешь, где найдешь, где потеряешь. На твоём месте я бы только осветлила пару прядок у лица, чтобы...

И тут Стася посмотрела на меня попристальнее.

– Кстати, а ты что, совсем не красишься?

– Нет, ну почему же, – пожала я плечами.

– А какая у тебя с собой косметика? Покажи!

Из сумки я вынула пудреницу.

– Фью-у-ить, – присвистнула Стася. – Откуда это у тебя?

– Что именно?

– Да вот пудреница.

И она произнесла несколько малопонятных слов.

– Мне ее подарили, – ответила я. – Наша помощница по хозяйству.

– Можно посмотреть?

– Возьми себе, если хочешь. Мне ведь все равно – одна пудра, другая...

– Так ты что, совсем не красишься?

Я начала закипать.

– Слушай, неужели это так важно? Мы сестры. Не виделись много лет. И сейчас тебя интересует одно – почему я не пользуюсь косметикой.

Стася смутилась.

– Нет, не только это. Просто забавно, что мы с тобой близнецы, но так мало похожи...

И я смутилась тоже. Я не должна была повышать тона. Стася моя сестра, и она имеет право задавать любые вопросы.

– Мне не очень нравится чувствовать на губах что-то чужеродное...

– Чужеродное? – удивилась Стася. – Между прочим, человечество уже столько веков пользуется косметикой, что пора бы и сродниться. Еще первобытные люди раскрашивали тела природными красками. При раскопках на местах древних поселений ученые находили

смесь жира и красной краски, которая по составу соответствовала современной губной помаде. Я тебе сейчас покажу, смотри...

Я опасалась, что Стася достанет откуда-нибудь в черепке остатки ископаемой губной помады, но она вытащила из подзеркального столика косметичку размером со средний чемодан. Эта косметичка вся была набита губной помадой – черные, золотые, рифленые и гладкие футляры, смутно знакомые логотипы. Розы Ланком, сцепленные полукольца Шанель, пчелы и орхидеи Герлен... Стася стала снимать колпачки, привычным движением выкручивать из гнезд разноцветные столбики. У меня зарябило в глазах – у моей сестры были помады самых немыслимых оттенков, и бледно-розовые, почти белые, и сине-сливовые, и ярко-красные, и темно-коричневые, как шоколад. Помады влажно блестящие, светящиеся миллионами ослепительных искр, и матовые, словно бархат...

– Ну-ка, попробуем...

В последующие двадцать минут Стася занималась тем, что мазала мне губы, а потом, быстро пробормотав: «Нет, это совсем не то» – быстро уничтожила содеянное при помощи салфетки. Я сидела тихо.

– Ты даже к зеркалу не пытаешься вырваться! – с изумлением констатировала Стася, отступая на шаг и обзревая дело рук своих. – Тебе что, неинтересно? Ладно, давай-ка сделаем так...

Эта помада была в тяжелом футляре, своими обтекаемыми формами напоминавшем инопланетный летающий снаряд. Открывался он весьма хитроумно – откуда-то приподнималось крошечное зеркальце. Столбик помады оказался неожиданного цвета.

Розовый с синими искорками.

– Эй! – запротестовала я, отстраняясь. – Я что, буду с синими губами, как покойник?

– Ну, хоть какая-то реакция, – усмехнулась Стася. – А то сидишь, словно кукла. Не бойся, будешь красotka.

И она накрасила мне губы – одним махом.

– Теперь иди, любуйся...

Синих блесток я на своих губах не обнаружила, куда же они делись? Ах, вот оно что, они перекочевали в мои глаза. Иначе отчего бы они вдруг из серых стали почти синими? Да-да, совершенно точно, в глазах появился синий отсвет, а губы остались розовыми... Но не бледно-розовыми, а словно бы припухли, как...

Как от поцелуев?

– Ты разругалась, – с удовольствием констатировала Стася и сунула мне в ладонь приятно тяжелый футлярчик. – Бери. Дарю. Она еще и тем хороша, что даже человек без малейшего опыта в макияже, вот как ты, вполне может накраситься...

– Потому что она с зеркальцем? – поинтересовалась я.

– Ох, – вздохнула Стася. – Да не потому, что с зеркальцем, а потому, что проста в нанесении. Есть помады, которыми трудно накраситься, и еще тяжелее носить, понимаешь?

– Нет, – твердо ответила я. – Зачем тогда ими краситься? А уж тем более носить?

– Ладно, потом поймешь. Какая же ты все же темная, Аська! Слушай, я в академии даже писала реферат об истории косметики.

– В какой академии?

– В Строгановской академии, в какой же еще.

– Так ты... художница?

Я снова осмотрелась. Хаос Стасино жилища предстал передо мной в новом свете. Оказывается, это был художественный беспорядок.

– Ну... да. Знаешь, я ведь самоучка. В академию обычно после художественного училища берут. А меня так приняли. Хотя я явно не тянула. Но свободное место было, и меня

взяли. Выучилась на дизайнера. Мне даже работу предлагали хорошую. Но меня, ты знаешь, сейчас другое увлекает. Рисовать я, правда, и сейчас рисую...

– Покажи мне что-нибудь из своих работ.

– Да ну, ерунда все это. Давай лучше посмотрим мою коллекцию теней, хочешь?

Я не успела ответить – Стася достала вторую косметичку, едва ли не больше первой, и вытряхнула на стол разнокалиберные коробочки. Перебирая и открывая их, она щебетала:

– Знаешь, ведь первая губная помада появилась пять тысяч лет назад, в Месопотамии. В Египте, Древней Греции и Риме уже вовсю красились. Правда, у них там были своеобразные понятия о том, что красиво, и губная помада вся была темная, чтобы губы казались меньше. Ну, это дело вкуса. Они ее так любили, что брали с собой в загробный мир. Вообще-то не исключено, что некоторые именно из-за помады туда и попадали. В состав входили всякие ядовитые вещества, об этом даже древний врач Гален предупреждал, но его, ясное дело, не особенно-то слушали. Помаду называли поцелуем смерти, для перламутра добавляли рыбу чешую, которая, должно быть, жутко воняла и кололась – и все равно красились! Для царицы Клеопатры рабы толкли красных жуков – правда, фу? На Руси-то попроще – свеклой мазались. А на Востоке помадой только мужчины пользовались, чтобы рот в бороде выделялся. Женщинам незачем было, у них все закрыто, а вот для глаз они много чего придумали, в том числе и кохль... О-о, кохль – это вещь, я тебе потом покажу... Вообще, к помаде в разные времена по-разному относились. В шестнадцатом веке губы мазали все поголовно, и королевы и проститутки, да и помаду уже делали не настолько ядовитую. Правда, Екатерина Медичи варила со своим доверенным аптекарем Рене помаду «спешиал фо ю» – травить молодых соперниц и вообще тех, кто не угодил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.